

Г. В. ТАЛИНА

Царь Алексей Михайлович: личность, мыслитель, государственный деятель

<Фрагменты>

Царь Алексей и новшества придворной культуры и быта

<...> В царствование Алексея Михайловича произошли значительные изменения в системе образования его детей. При смертности того времени каждый царевич рассматривался как возможный при определенных обстоятельствах наследник царского трона. Поэтому Алексей Михайлович, стремившийся к усилению царской власти, естественно, был заинтересован в том, чтобы его дети, особенно сыновья, получили образование самого высокого уровня. Веяния Западной Европы, распространявшиеся при Московском дворе, подсказывали царю направление, которым следовало идти в данной области. Полный курс древнерусского образования, называвшийся «Курсом словесного учения», который в свое время прошел сам Алексей, уже устарел, поэтому, перешли к новой системе, распространенной уже в Европе, к обучению семи свободным искусствам. В книге «Мудрость или описание семи свободных художеств, какия что в себе содержат», переведенной в 1673 году Николаем Спафарием¹, к ним относили: грамматику, риторику, диалектику, арифметику, музыку, геометрию, астрологию. Кроме данных наук в образование царских детей вошли иностранные языки и распространенная еще раньше история своего государства и соседних стран. Новая система обучения носила название «учение грамматичное». Оно производилось на латинском, славянском и греческом языках*.

По всей видимости, выбор данной системы образования был сделан Алексеем Михайловичем под воздействием Симеона Полоцкого, с 1667 года занявшегося образованием царских детей. Полоцкий был хорошо знаком с «грамматичным учением», так как еще в 1664 году

* Забелин И.Е. Указ. соч. С. 186.

он организовал в Заиконоспасском монастыре школу для обучения подьячих Приказа Тайных дел, где и использовал данную западноевропейскую систему образования. Кроме Полоцкого, из приближенных Алексея Михайловича знать об этом новшестве в образовании мог и Федор Матвеевич Ртищев, интересовавшийся достижениями западноевропейской науки. Но в школе в Андреевском монастыре², организованной в 40-е годы на средства Ртищева и работавшей под его контролем, «грамматичное учение» не применялось, хотя преподавались греческая и славянская грамматика, а также риторика*.

С появлением во дворце Симеона Полоцкого в дворцовом образовании произошел кардинальный поворот, положивший начало изменениям в Российском образовании в целом. Полоцкий стал первым в России «домашним учителем». Его обязанности стали гораздо шире по сравнению с обязанностями подьячих, ранее обучавших царских детей. В обязанности домашнего учителя входило умение привить детям вкус к наукам в приятной манере без принуждения, что подрывало все сложившиеся представления об обучении, ранее строившемся на бездумном заучивании букв, фраз, высказываний. По мнению Соловьева, роль домашнего учителя этим не ограничивалась, его обязанностью было сочинение театральных пьес и вирш — поздравлений на именины господина и госпожи, а также жалобных стихов в случае смерти кого-либо из домашних**.

Кроме того, учитель должен был хорошо знать иностранные языки.

Симеон Полоцкий бесспорно отвечал всем этим требованиям, а кроме того он не был иностранцем, появление которого во дворце при царских детях было бы осуждено общественным мнением.

Среди учеников Полоцкого были царевичи Алексей Алексеевич, Федор Алексеевич, а также царевна Софья, что также стало новой страницей в образовании — воспитание царевны было доверено мужчине.

Свои взгляды на воспитание и обучение Полоцкий изложил в «Книге вопросов и ответов, иже в юности сущим зело потребни суть», вышедшей в 1667 году. Первые 7 лет ребенка должны быть отведены нравственному воспитанию, вторые семь лет отводились воспитанию художественному. Обучение грамоте должно строиться неспешно. Дальнейшее образование Полоцкий мыслил по концентрическому принципу, о котором писал: «Обучение прежде помалу, а потом во многом множество расширяется». В воспитании Полоцкий выдвинул 3 основных принципа: 1) вред излишней любви родителей

* *Рогов А. И.* Указ. соч. С. 149–150.

** *Соловьев С. М.* Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 369.

к детям, и отсюда полезность «буйства розги», 2) ограждение детей от дурного общества, 3) добрый пример родителей*.

Идя по пути нововведений, Полоцкий столкнулся с самим патриархом Иоакимом³, о Полоцком пошли толки, что его учение неправильно. Но зная о расположении к себе царя Алексея, он ответил довольно острыми по содержанию виршами в адрес архиереев и продолжал ратовать за распространение в России светского образования.

Таким образом, за время царствования Алексея Михайловича образование в царской семье сделало огромный шаг от научения чтению священного писания и знанию церковного пения к системе изучения семи свободных искусств⁴, признанной Европой и получившей широкое распространение там. Другими словами, это был шаг от воспитания, ограниченного церковными рамками, к воспитанию и обучению светскому. То, что такие преобразования произошли в царском дворце, сыграло огромную роль в Российском просвещении и образовании, так как, введя у себя эти новшества, царь тем самым их узаконил и показал путь, которым должна была развиваться сфера воспитания и образования России. Конечно, между образованием в царской семье и просвещением и образованием в стране в целом была пропасть, преодолеть которую можно было только через многие годы. Но в ситуации, когда складывается абсолютная власть царя, его действие становится примером и законом для всего народа <...>.

<...> Последние же десятилетия жизни царя — время, когда особо ощутимо сказалось изменившееся соотношение патриаршей и царской власти с отставкой Патриарха Никона. Царь стал волен заводить при своем дворе те развлечения, потребность в которых он ощущал. Наши посланники в Европе рассказывали при дворе о развлечениях европейских. Московский двор все более склонялся к тому, чтобы испробовать иностранное, смелое и новое у себя. Еще одним фактором, способствовавшим этому, был брак царя с Нарышкиной и усиление западнических настроений с появлением при дворе ее воспитателя Артамона Матвеева.

Последние годы царствования Алексея Михайловича ознаменованы появлением придворного развлечения, которому суждено было совершить революцию в русской культуре. В Москве появился придворный театр. Это было явление, ставшее одним из первых звеньев европейской культуры, проникавшей в Россию. До него в России существовал народный театр Петрушки, но придворный театр не был

* *Рогов А.И. Указ. соч. С. 145.*

продолжателем этого театрального образования, так как вносил каноны театральной пьесы, ранее русскими не используемые. Сказать, что придворный театр был явлением инородным, не имевшим предпосылок в России и при дворе Алексея Михайловича нельзя. Среди явлений, проложивших дорогу этому новшеству, следует, в первую очередь, отметить светские и церковные церемонии, по сути своей бывшие театрализованными представлениями. Они не только несли собой сам принцип ролевого действия, но в некоторых случаях являлись первоосновой сюжетов будущих театральных пьес. Так, если рассмотреть драму Симеона Полоцкого «О теле, злате и о трех отрцах в печи сожженных», — то видно, что пьеса — лишь разработка известной церковной церемонии «Пещного действия»⁵, которое исчезает к концу XVII века.

Сюжет был взят из Пророка Даниила. В «Пещном действе» — только три пассивных участника — отроки Ананий, Азарий и Мисаил и два активных — холдеи, которые толкали отроков в печь, при неожиданном появлении ангела падали ниц, а затем выводили отроков из печи со словами: «Греди вон из печи, ну чего встал. Поворачивайся! Не имеет вас огонь, ни сера, ни смола. Мы чаяли вас сожгли, а мы сами сгорели»*. Полоцкий ввел в пьесу и других действующих лиц: Навуходносора, его бояр, воинов, слуг.

Светские церемонии, претерпев отчасти изменения при царе Алексее Михайловиче, за это время сделали шаг к придворному театру, так как благодаря царю появились церемонии нетрадиционные, требующие написания «сценария» перед непосредственным их воплощением. В первую очередь, к таковым следует отнести обряд посвящения в старшие сокольники, разработанный Алексеем в «Новом уложении и устройении чина сокольничья пути». Поэтому ролевое действие для двора Алексея Михайловича могло представляться не новшеством, противоречащим старым канонам, а развитием придворных традиций. Таким образом, один из основных элементов театральных постановок, органично вписавшись в московские придворные обычаи, способствовал тому, что театр был принят царским двором.

Вопрос, который встает одним из первых в связи с придворным театром — это вопрос о лицах, которым принадлежит идея его организации. Документы свидетельствуют, что возникла подобная идея задолго до появления в 1672 году театра. И, по-видимому, одним из первых сторонников перенесения западноевропейского

* Морозов П. О. История русского театра до половины XVIII столетия Спб., 1889. С. 41.

развлечения в Москву, был сам царь Алексей Михайлович. Так, еще в 1660 г., узнав от наших посланников в Европе о дававшихся там спектаклях, царь в росписи Ивану Гебдону дает наказ: «Привести трубы и литавры... так же и людей, чтоб играли в трубы и мастеров комедию делать». Но воплощение этой идеи пришлось отложить более чем на десять лет из-за того, что в своем стремлении завести комедию царь пока был одинок. Когда же при дворе появился Матвеев, то царь обрел единомышленника, имевшего тесные связи с Немецкой слободой, женатого на шотландке Гамильтон, то есть человека, который имел возможность видеть любительские спектакли, устраивавшиеся здесь. Подтверждением тому, что в Немецкой слободе давались представления еще в 60-е годы XVII столетия, служат сообщения английского посла графа Карлейля, который отмечал, что в 1664 году в Посольском доме была представлена комедия, доставившая зрителям несколько приятных часов»*.

В 1672 году действия по организации придворного театра стали все более настойчивыми. Совместные усилия царя Алексея и Матвеева привели к тому, что в Курляндию был послан приятель Матвеева полковник Николай фон Штаден для найма комедиантов**. В объявленном ему царском указе предписывалось «ехать к Курляндскому Якубусу князю... и приговаривать великого государя в службу... трубачей самых добрых, да ученых, да которые б умели всякие комедии делать»***. Но Алексей торопился и, не дождавшись, пока Штаден выполнит свое поручение в Курляндии, через Матвеева и известного генерала Баумана повелел преподавателю при Баумановской церкви⁶ пастору Иогану Готфриду Грегори написать комедию.

Грегори характеризовали как человека, отличавшегося замечательным умом, но он не был мастером театрального дела и вряд ли когда-либо до царского указа принимал участие в театральных постановках. Известно, что в церкви, где он преподавал, никаких драматических постановок не осуществлялось. С одной стороны, недостаточная подготовленность Грегори в театральных вопросах привела к тому, что роль распорядителей придворного театра и людей, решающих, что когда будет поставлено взяли на себя Матвеев и Алексей Михайлович, с другой стороны, неуверенность Грегори в своих силах вынудила его набрать целый штат помощников.

* Морозов П.О. Указ. соч. С. 125.

** Цветаев Д. Первые немецкие школы в Москве и основание придворного немецко-русского театра. Варшава, 1880. С. 12.

*** Морозов П.О. Указ. соч. С. 125.

Среди них следует особо отметить Лаврентия Рингубера и Иогана Пельцера, писавших пьесы (хотя Рингубер не профессиональный автор, а бывший учитель церковной школы), «перспективного дела мастера», голландского живописца Петра Иггиса, переводчика Посольского приказа Юрия Гибнера, осуществившего перевод на русский язык ряда иностранных пьес и вероятного автора сценария «Темир Аксакова действия»⁷, русского учителя Юрия Михайлова, выполнявшего различную работу в придворном театре, музыкантов Семена Гутовского и Тимофея Газенкруха и многочисленных музыкантов, имена которых до нас не дошли, но которые составляли дворовый оркестр Матвеева и участвовали почти во всех театральных постановках*.

Первые постановки осуществлялись силами молодежи из Немецкой слободы — учениками Грегори. В труппе было 30 человек детей. Позже к постановкам были привлечены отроки, выходцы из Мещанской слободы⁸. Так, 16 июня 1673 года по указу великого государя Матвеев приказал: «Мещанской слободы мещанских детей 26 человек, которые выбраны в комедианты... отвести к магистру Яну Готфриду для учения комедиантского действия»**. Занятия с ними проводились сначала в помещении школы в Немецкой слободе, а после, в феврале 1675 года на дворе Винонта Людена⁹. В поисках подходящего помещения устроители театра не церемонились. К Людену пришел толмач Посольского приказа Иван Енак и сказал, что «по указу великого государя боярин Матвеев приказал у Винонта двор что от Язуы в Немецкой слободе для учения комедии на робыт очистить»***. Людену оставалось только повиноваться, а после жаловаться в челобитнях на то, что ученики перепортили в избах печи, окна, заборы и многое другое. После разорения дома Винонта Людена репетиции были перенесены в Мещанскую слободу и на Посольский двор, находившийся на Покровке. Обучение комедиантов заключалось в заучивании текстов и многочисленных репетициях.

После того, как Алексей и Матвеев решили проблему с постановщиком театральных пьес, поручив это дело Грегори, перед ними как перед устроителями театра встал вопрос о выборе пригодного для этой потехи помещения. По мнению Забелина****, изначально

* *Всеволодский-Генгросс В.* История театрального образования в России. Т. I. Спб., 1913. С. 59.

** *Богоявленский С. К.* Московский театр при царях Петре и Алексее. Материалы. М., 1914. С. 26–27.

*** РГАДА. Ф. 139. Ед. хр. 2. Л. 1.

**** *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей. С. 329.

театральная хранилища была устроена в Преображенском, но вскоре поняли, что это неудобно, так как до Преображенского было тяжело добираться. Приходилось со всем двором подниматься чуть свет или же ехать ночью, чтобы вовремя успеть к представлению. Таким образом, театр требовал специального помещения в Кремле. Для театра было устроено помещение над приказом Аптекарской палаты. А вскоре появился Потешный дворец, в который наряду с палатами Аптекарского приказа вошел двор тестя царя Ильи Даниловича Милославского, который еще ранее, в 1668 году, после смерти Милославского был соединен с Конюшенным государевым дворцом от Рождественской церкви деревянными ходами. И в Кремле, и в Преображенском зрителями были все приближенные царя. Для самого Алексея Михайловича устраивалась специальная скамеечка перед сценой, царские вельможи располагались прямо на сцене и обычно стояли. С 1674 года в число зрителей вошли царица с детьми. Для них были устроены специальные ложи, отгороженные решетками*.

Все рассмотренные вопросы по существу являются вспомогательными. Основной же вопрос касается репертуара придворного театра. Как уже было отмечено, отсутствие специальной подготовки у Грегори привело к тому, что выбор первой пьесы, поставленной при Московском дворе, был сделан самим царем Алексеем Михайловичем. 4 июня 1672 года он издал именной указ: «Иноземцу магистру Яну Готфриду учинить комедию, а на комедии действовать из Библии книгу Есфирь»**. Комедия эта (а в XVII веке все театральные постановки назывались комедиями) имела также и другое название по имени главного героя — «Артаксерксово действо». Одна из причин выбора данного сюжета крылась, по-видимому, в том, что пьеса во многом напоминала придворные события двухлетней давности, когда царь выбрал себе горячо любимую жену Наталью Нарышкину. В пьесе персидский царь Артаксеркс был разгневан тем, что его первая жена, соблюдая честь, не исполнила прихоть мужа, чем подала другим женам пример непослушания. За это царь развелся с ней, но долго горевал. Тогда вельможи посоветовали ему собрать со всего царства всех прекрасных девиц и выбрать среди них себе новую супругу, что Артаксеркс и сделал, выбрав Едиссу. А вскоре ей дали новое имя — Есфирь, что значит «сокровенная». Царь был очарован спектаклем и следил за ходом пьесы в течение 10 часов, не вставал с места. За радость, которую комедианты доставили государю, они

* Морозов П.О. Указ. соч. С. 137.

** Божьявленский С.К. Указ. соч. С. 23.

были вознаграждены сорока двумя соболями на сумму в 108 рублей и удостоены личной аудиенции у государя.

Очень скоро, к 1673 году, у царя появилась новая идея. Узнав, что при иностранных дворах устраиваются различные игры и танцы, он однажды приказал поставить «какую-нибудь французскую пляску». Однако после этого распоряжения царь засомневался: не будет ли подобная забава языческой из-за непременно музыкального сопровождения. Но царю ответили, что «без музыки так же нельзя танцевать, как и без ног», после чего Алексей успокоился и отдал постановку балета на волю артистов*. Характерной чертой балета того времени было то, что танцы здесь сочетались с пением куплетов. Первым балетом, поставленным придворным театром, был балет «Орфей». Представление начиналось выходом на сцену главного героя, который пел немецкие куплеты, обращенные к царю и прославляющие его. Куплеты переводились царю толмачами. После приветственного слова Орфей обращался к стоящим по краям сцены и украшенным транспарантами пирамидам с предложением потанцевать. После этого начинались танцы**. И танцы и костюмы танцоров были немецкими. Балет «Орфей» ставил, видимо, инженер Николай Лим.

В то же время Грегори трудился над постановкой других пьес для придворного театра. Всего, до его смерти в 1675 году, им было поставлено 9 комедий. Чаще всего он пользовался немецким или западноевропейским репертуаром. В 1674 году была поставлена «Юдифь» — та комедия, которую еще в 1635 году наши послы смотрели во дворце польского короля. Первой пьесой на историческую тему, игравшейся в Московском придворном театре, можно считать «Темир-Аксаково действо» (или «Баязет и Тамерлан»), но автор сценария этой пьесы помощник Грегори Юрий Гибнер, берясь за постановку комедии, не пошел по пути западной Европы, где пьесы о Тамерлане были большей частью переделками трагедии Марло «Тамерлан Великий». Источником русской пьесы была книга французского писателя дю Бека «История Тамерлана». К данному сюжету руководители московского театра обратились не столько потому, что он был популярен в Европе, а в силу того, что имя Тамерлана было хорошо известно русским по «Повести о Темир-Аксаке»¹⁰, рассказывавшей о чудесном спасении Москвы от нашествия Тамерлана благодаря заступничеству Богоматери. Военная тема должна была

* *Игнатов С.* Начало русского театра и театр петровской эпохи. Пг.; М., 1919. С. 8.

** *Морозов П. О.* Указ. соч. С. 189–190.

остро восприниматься еще и потому, что в это время Русь вела с Турцией войну за Азов¹¹, и борьба проходила под лозунгом защиты христианской религии от басурман*. Среди других постановок следует отметить и диалог в честь царя — «Алексей — человек божий», отразивший представления того времени об идеальном государе.

Из комедий, поставленных Грегори, Игнатов выделяет «Жалостливую комедию об Адаме и Еве» и «Комедию об Иосифе», которые, по его мнению, принадлежат к школьным драмам**. Основным элементом, по которому пьесы могут быть отнесены к произведениям данного типа, является наличие среди действующих лиц образов, олицетворяющих такие понятия, как милосердие, правда, мир. Пьесы эти не характерны для Грегори и встает вопрос о том, были ли они составлены им или же к ним приложил руку кто-либо из западнорусских ученых. Тот факт, что при дворе жил и работал Симеон Полоцкий, может свидетельствовать о том, что если и было чье-то влияние, то наиболее вероятным соавтором постановки был именно он. Эту мысль можно подтвердить и тем фактом, что в данных пьесах больше следов польских и южнорусских драм, чем западноевропейских и тем, что после постановки этих комедий Полоцкий сам принимается за драматургическую деятельность и пишет комедии «О теле, злате и о трех отречах в печи сожженных» и «О Блудном сыне». И хотя они не были школьными драмами, Полоцкий, безусловно, знал этот жанр. В своих же пьесах он идет дальше Грегори, так как эти комедии требуют по замыслу автора более высокого уровня оформления и постановки. Даже гравюры декораций, приложенные к комедиям Полоцкого указывают на то, что пьесы эти должны быть поставлены в традициях школы английских комедиантов, которая в отличие от немецкой школы использовала в постановках освещенную площадками рампу, арки для изображения свободных пространств, была точна в воспроизведении костюмов.

То, что к придворному театру стал проявлять интерес столь известный в то время ученый и литератор как Полоцкий, свидетельствует о размахе этого развлечения и значимости его для Московского двора. Но придворному театру пришлось в 1675–1676 годах испытать два тяжелых удара, которые на время прекратили его существование. В 1675 году он был ослаблен со смертью Грегори и передачей в ведение Чижинскому¹², а в 1676 году не смог пережить своего горячего поклонника царя Алексея Михайловича.

* *Державина О. А.* Театр и драматургия // Очерки русской культуры XVII в. Ч. II. М., 1979. С. 132–133.

** *Игнатов С.* Указ. соч. С. 10.

И все-таки значимость первого придворного Московского театра вышла за рамки самоценности данного явления. Театр дал ощутимый толчок для развития при дворе светской музыки, так как послужил поприщем для слияния различных искусств.

Хотя такие иностранные инструменты, как органы, были известны еще при дворе Михаила Федоровича, но тогда их пытались приспособить под различные церковные песнопения, либо просто держали как диковинку, на которую любовались. С появлением театра возникла необходимость разыскать музыкантов, которые бы были «к комедии годны», а постановка балета окончательно закрепила место светской музыки в театре и при дворе. Рогов отмечает, что в данный период развивается музыка, тяготеющая к оперным формам. Кроме того, непременной частью придворных представлений стали трубные фанфары, застольные песни, финальные хоры*. Немалое место в спектаклях занимала и вокальная музыка, прямо связанная с ходом действия. Причем, вокальные номера стали сближаться с еще одним музыкальным нововведением — кантатами. При Алексее Михайловиче большое внимание уделялось исправности музыкальных инструментов, особенно органов, которые при перенесении представления из Кремля в Преображенское или наоборот, приходилось перевозить вместе со всем реквизитом. При необходимости закупались новые инструменты. Их покупкой обычно ведал Матвеев, который больше соблюдал интересы царской казны, нежели мастера, изготовившего инструмент. Так, в 1675 году у торгового иноземца, принимавшего участие в ряде театральных постановок, он сторговал за 1200 р. большие органы, но денег за них выплачивать не собирался, о чем и дал челобитье Газенкрух**.

Таким образом, из европейских развлечений при дворе Алексея распространились не только театр, но и тесно связанная с ним светская музыка. Последние годы царствования Алексея Михайловича вообще ознаменовались тем, что царь без прежней оглядки на церковь стремился завести при дворе любую иностранную потеху, которую ему приходилось видеть или о которой ему рассказывали. Примером может послужить популярный при дворе в 1675 году фокусник, выходец из слуг свиты Адольфа Лизека. Когда царь узнал, что слуга, обладающий необыкновенными способностями, вместе с посольством должен покинуть Москву, то велел генералу Менезиусу догнать фокусника и вернуть в царский дворец. По свидетельству Забелина, фокусник мог, перекрестив несколько ножей,

* Рогов А. И. Музыка // Очерки русской культуры XVII в. Ч. II. М., 1979. С. 285.

** РГАДА. Ф. 139. Ед. хр. 9. Л. 1; *Богоявленский С. К.* Указ. соч. С. 76.

добиться того, чтобы они поднимали деньги и венки «сами собой» и творил другие чудеса*. Известно, что фокусы царь и царица смотрели дважды и были очень удивлены.

За период царствования Алексея Михайловича был сделан шаг от запрещения потех к их бурному развитию. Это было время, когда потехи европейские и традиционно русские дополняли друг друга, бесконфликтно сочетаясь, когда определилось преобладание светских развлечений над духовными утешениями, когда исчезли убогие потехи, порожденные Домостроем, а западноевропейские были не слепо перенесены на русскую почву, но получили здесь и новое толкование и особое «Московское» направление.

Литературные вкусы царского двора

II половина XVII века — время появления ряда новых ценностей в придворном сознании. Ранее сформировавшийся канон «совершенного человека», включавший представления о добропорядочном христианине и верном подданном царя, теперь стал дополняться требованиями развитого ума и широкого познания.

Немаловажную роль в распространении этих идей при дворе Алексея Михайловича сыграл Симеон Полоцкий¹³, с конца 60-х годов ставший учителем царский детей. «Просветительский» пафос присущ даже ранним произведениям этого автора, а призыв обогащать свой ум конкретными знаниями стал одной из основных идей всей его публицистики.

Развитию знаний, по мысли Полоцкого и всех его единомышленников, должны были способствовать школы и библиотеки. Эти взгляды разделяло и большинство из окружения царя Алексея: А. С. Матвеев, Б. И. Морозов, царевичи Алексей Алексеевич и Федор Алексеевич были собирателями и обладателями немалых по представлениям того времени библиотек.

Печатное дело в России к царствованию Алексея было сравнительно молодо. Изготовление каждой книги являлось плодом труда не только печатников или писцов, но и людей оформлявших ее и работавших с сафьяном, драгоценными камнями, художественными росписями книги. В силу этого, каждая книга являла собой настоящее произведение искусства и стоила очень дорого. Царская библиотека представляла огромную ценность, и каждая книга была на учете приказа Тайных дел, в ведение которого и входила библиотека. В документации приказа каждая книга фиксировалась

* Забелин И. Е. Указ. соч. С. 334.

и описывалась. Например: «15 июля 178 (1670) года к Великому Государю в хоромы в Преображенское приказу Тайных дел подъячей Федор Казанцев взял 3 Скрижали и в том числе 1 в красном, 2 в зеленом, да 1 в лазаревом сафьянах»*.

Из-за своей редкости и стоимости, книги часто служили предметом для пожалования. Собираясь произвести пожалование, царь посылал кого-либо из приближенных или же лично брал книгу в Тайном приказе, о чем свидетельствует запись в делах приказа в «Книге Печатных книг»: «13 мая 178 (1670) года, после вечерни, великий государь изволил взять псалтырь с следованием¹⁴ в красном сафьяне и по образу золотом и пожаловал ту книгу стольнику и полковнику Артемону Сергеевичу Матвееву»**.

До царствования Алексея царскую библиотеку в основном составляют книги духовного содержания. В третьей четверти XVII века, то есть во времена Алексея Михайловича их характер постепенно изменяется. В библиотеке появляются различные книги светского характера.

Одной из причин этого явления были усилившиеся контакты с Западной Европой и осознание Московским двором необходимости учиться у нее всему, что можно с пользой применять в своем быту. У Запада москвичи начинали перенимать достижения в области различных наук. Поэтому на русский язык стали переводиться и переписываться грамматики, лечебники, арифметики, космографии и другие научные трактаты.

Когда в России стали появляться книги светского содержания, то первым делом они поступали в царский дворец. Первые из светских книг были у царевича Алексея Михайловича, когда ему исполнилось 11 лет. Он имел библиотеку из 13 томов, в основном подарков дедушки и других родственников, и уже тогда среди них находились напечатанные в Литве грамматика, космография и какой-то лексикон***.

Кроме дворца, новые книги светского содержания появлялись в Посольском Приказе, так как в новых знаниях, полученных из новых книг, в первую очередь, нуждались люди, часто сталкивающиеся с Западным миром. В царствование Алексея уже закрепились традиции: новые книги строить в двух экземплярах: один брался наверх к великому государю, другой — отдавался в Посольский приказ. Послы, отправлявшиеся за границу, преимущественно

* РИБ. Т. XXIII. Кн. III. Спб., 1904. Стлб. 1646.

** Там же. Стлб. 1651.

*** Ключевский В. О. Исторические портреты. С. 109.

в Польшу, привозили оттуда множество книг на польском и латинском языках, которые в Москве переводились на русский и издавались. Так, в 1653 году князь Репнин-Оболенский, будучи послан в Польшу по государеву указу, купил там «Славяно-русский лексикон за 4,5 злотых польских, гранограф Писецкого за 10 злотых, дикционер или лексикон Гданьский на трех языках (немецком, латинском и польском) — за 15 злотых, Гвагвин (то есть книгу польского хрониста Александра Гвагвина — автора историко-географического описания Польши, Литвы, Украины и Белоруссии и краткой исторической хроники Польши) — за 40 злотых, Библию на польском языке — за 50 злотых, описание Польши — за 24 злотых, и Конституцию нынешнего 161 (1653) года»*.

Вызванные в 1650 году для перевода с греческого на славянский язык Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский перевели также «Уставы гражданско-правительственные» из первой книги «Фукудидовой истории»¹⁵. С латинского языка были переведены география Европы и Азии, «анатомия Андрея Вессалия Брукленска»¹⁶, книга об убиении «кряля Аггельского», сборник «о граде царском». В последнем были описаны свойства природы, зверей, рыб, даны сведения по географии и другим наукам.

При Московском дворе занимались не только переводом на русский иностранных книг светского, в том числе исторического содержания, но и писали свои. Так как в это время русский царский дом все более начинал ощущать свою связь с другими европейскими царствующими домами, то составлялись наглядные генеалогические таблицы с парсунами государей и их гербами, на которых обозначалось, какой российский государь с какими иностранными государями имел сношения. Один из начальников Посольского приказа, известный своими прозападными настроениями Артамон Матвеев с приказными людьми и переводчиками, сделал у себя в Приказе «Государственную большую книгу, описание великих князей и царей Российских, откуда корень их государский изыде, и которые великие князья и цари с великими же государями окрестными с христианскими и мусульманскими были в ссылках, и как великих государей именовать и титулы писать к ним; да в той же книге писаны великих государей и царей, и вселенских московских патриархов, и римского папы, и окрестных государей всех персоны и черты». Для этой работы взяли двух иконописцев, Ивана Максимова и Дмитрия Львова, которые выполнили работу за пять месяцев. После написания этой книги Алексей Михайлович указал быть ей в Посольском приказе, а для него и его сына Федора Алексеевича

* Соловьев С.М. Указ. соч. С. 362

было велено сделать две такие же и в прибавку написать персоны всех детей Алексея и польских королей со Стефана Батория¹⁷. Кроме этой книги дьяк Грибоедов написал «Историю, сиречь повесть или сказание вкратце о благочестно державствующих и святопоживших царях и князьях, иже в Российской земле богоугодно державствующих»^{*}. Это уже была книга, написанная на заданную тему, речь в ней шла о русской истории вплоть до присоединения Киева к Москве. Новое время требовало исторических сборников и сочинений. Поэтому наверху у государя появились Василиологюн¹⁸ — персоны ассирийских, персидских, греческих и римских царей, великороссийских князей и царей, стараниями Матвеева — книга об избрании на царство Михаила Федоровича.

В библиотеке у государя были и книги политического содержания, довольно смелые по форме и по мыслям, которые в них высказывались. Среди них — книга Юрия Крижанича «Политика»¹⁹. В ней он требовал важных преобразований в России, но выступал яростным противником иностранцев, в особенности немцев, как прирожденных врагов славян, тем самым шел вразрез историческим законам жизни народов. Планы его во многом неосуществимы. С болью за славян и Россию он осуждал российские нравы, а основу их видел в засилии кабаков, откупщиков, тайных доносчиков.

Выход из этого бедственного состояния — в науках. Нужно окружить себя «мертвыми» советниками — книгами. Если простой человек учится на своих ошибках, и его главный советник — его же жизненный опыт, то государю это непозволительно, так как «ошибки государей влекут за собой неисправимые бедствия народные»^{**}.

Главное действующее лицо в преобразованиях — царь, так как в России полное самодержавие, воля и инициатива царя должны привести к изменениям в жизни всей страны и всего народа. Способствовал распространению взглядов Крижанича при дворе и тот факт, что лучшим правлением, данным от Бога, он считал монархию и писал: «Цари — суть наместники Бога и единовластители известных частей мира. И чем более в руках каждого царя правление содержит в себе свойство монархическое, тем ближе оно правлению божественному». В эпоху становления абсолютизма такой взгляд согласовался со стремлениями самого царя, а произведения его излагавшие, служили упрочению царских позиций.

Все те идеи, которые высказывали авторы новых книг, толкали царя на путь действий по преобразованию России, но пока эти

* Там же. С. 363.

** Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII в. М., 1860. С. 34.

действия носили характер локальный и больше затрагивали жизнь царского двора, нежели всей страны. Однако, не испробовав в малом, нельзя экспериментировать в большом.

По мнению Медовикова, царь Алексей был знаком и с европейскими периодическими изданиями. Для чтения царя переводились и выписывались переводчиками Посольского приказа многие из европейских журналов и газет*.

Переплетались и собирались в царской библиотеке и географические карты. Так, «183 г. (1675) декабря г 2 день указал великий государь (титул) иноземцу Ягану Элкузе... от переплету польского и латинского и от подклейки карт четырех частей света, в которых описаны все окрестности и мусульманские государства, за золото и за всякий книжный приклад», а так же за другие работы «выдать 4 рубли с полтиной из доходов «Новыя Аптеки». В этом же месяце в розных числах по указу великого государя было отдано «иноземцу Элкузе в переплет 3 началища деревянные на карты в которых описаны все четыре части света, 3 обиходы, чертежи Голландской земли»**.

Кроме книг научного содержания, библиотека царя Алексея Михайловича за годы его царствования пополнилась художественной литературой светского характера, здесь появились неизвестные до сих пор в России драмы. Их появление было обусловлено открытием первого придворного театра. Первым писателем, попытавшимся ввести в русскую литературу этот жанр, по мнению ряда авторов, был Симеон Полоцкий***. Так как в то время все произведения этого жанра назывались комедиями, то первые русские драмы назывались «Комедия притчи о блудном сыне» и «О Новуходоносоре, о теле, злате и о трех отречах в печи сожженных». Если драма, посвященная Навуходоносору, тесно связана с церковным обычаем, то комедия о блудном сыне гораздо оригинальнее. Пьеса начинается по всем правилам школьной пиитики и состоит из 6 действий, после каждой части следует хор и интермедия. В прологе говорится о содержании комедии. Основная мысль комедии, с одной стороны, необходимость науки, образования, которые, по мнению автора, только и могут смирить порывы юности и ее стремлений, с другой — проповедь мягкого, добродушного отношения старших к ошибкам юности.

Если сравнивать эту комедию с южнорусскими или западными образцами, то в форме видны значительные расхождения: в данной

* Медовиков П. Историческое значение царствования Алексея Михайловича. М., 1854. С. 226.

** Богоявленский С.К. Московский театр при Петре и Алексее. С. 38.

*** Морозов П.О. Указ. соч. С. 114.

комедии не соблюдается единство действия, все группируется около главного героя пьесы, в пьесе нет ни одной аллегорической фигуры — необходимой принадлежности школьной драмы. Полоцкий шел по следам не немецких, а польских драматургов, которые не вдавались в нравоучительный символизм*.

Тексты комедии, которые игрались в придворном театре, переписывались в книги и поступали в царскую библиотеку. «24 февраля 182 (1674 г.) великого государя (титул) окольниковый Артемон Сергеевич Матвеев приказал дать его великого государя жалованья иноземцу капитану Ягану Элкузену от переплету книги комедии о царе Навуходносоре за работу и за сафьян, и за золото, и за завязки — рубль 25 алтын 4 деньги из доходов Новые Аптеки»**.

Переплетены были и другие комедии, о чем свидетельствуют материалы, собранные Богоявленским. «В 184 (1676) году по приказу великого государя, переплетал в Посольском приказе иноземец, Яган Элкузе 7 книг... в том числе 4 в красном сафьяне, пообрезу на досках травки золотом, а 3 книги в пеструю бумагу. А в них написаны комедии: Артаксерксова, Юдифина, Темир Аксакова, Георгиева, Иосифова, Адамова действа»***.

Кроме драм, при дворе Алексея Михайловича стали популярны и произведения стихотворные — вирши. Большинство из них принадлежало перу Полоцкого, который познакомил Московский двор с образцами пиитики того времени, показывая определенные каноны, свойственные ей, тот образец, где смывается грань между символом и реальностью, где мудрость и дом царя уподобляются библейской мудрости Соломона:

Дом Соломонов ты славен без меры,
Яко важны им в себе зверы****.

Полоцкий показал и каноны отождествления реальных лиц с мифическими, а также силами природы, что было популярно в это время. В одном случае он сравнивал царя и царицу с небесными светилами; в другом — отождествлял с планетами царских детей*****.

* Морозов П.О. Указ. соч. С. 121.

** Богоявленский С.К. Указ. соч. С. 37.

*** Там же. С 66.

**** Хромов О.Р. Царский дом в цикле Симеона Полоцкого // Герменевтика древнерусской литературы. С. 219.

***** Там же. С. 234.

Множество вирш, посвященных царской фамилии и читавшихся им, не могли не повлиять на царя и видимо, способствовали тому, что Алексей делал «опыты в стихотворении»*. Пользовался Алексей и акростихом. К сожалению, до нас не дошло так называемое «тарабарское» письмо²⁰ Алексея к стольнику Матюшкину, но Бартнев сообщает со слов владельца подлинника о том, что «письмо состояло исключительно из собственных имен и если их подписать одно под другим получался стих «Барт (вместо брат) как тебя здесь не стало, меня и хлебом с закалою накормить некому»**. По-видимому, это выражение — условная шутка между писавшими.

Кроме того, что царь пытался сочинять вирши, большое внимание он уделял и совершенствованию своего литературного языка и стиля. Говорить о существовании такового позволяет сравнение различных писем и документов, оставленных Алексеем Михайловичем. Среди них большая часть представлена деловой документацией, написанной характерным конспективным сухим языком, без принятых в то время даже в официальных документах витиеватых оборотов. Показательна в этом отношении одна из грамот царя к стольнику А. Б. Мусину-Пушкину: «1) тебе его из кельи в иную, 2) нет ли воровских писем, 3) прочесть ее и распечатать».

Другой ряд записок царя Алексея — это сочинения, рассчитанные на публичное прочтение, в которых главное внимание уделялось именно красоте языка и его соответствию лучшим образцам письменной речи того времени. К ним можно отнести и «Новое уложение и устройство чина сокольничья пути», в составлении которого Алексей принимал участие, и «Повесть о преставлении патриарха Иосифа» — письмо царя к патриарху Никону. Особенности литературного языка царя можно проследить и на примере различных надписей, сделанных на подарках и пожертвованиях. Составляя надписи собственноручно, царь неоднократно их исправлял и переписывал, пытаясь добиться совершенства в очередной редакции. Так как многие царские рукописные проекты позже переписывались и по царскому приказанию редактировались писцами, ныне существует возможность сравнить стиль царя с общепринятыми письменными выражениями воли и чувств. Таким документом является рукописный царский проект (и его редакции) надписи на пожалованном от государя колоколе в Звенигородский Савво-Сторожевский монастырь. Сопоставление двух аналогичных

* Ключевский В. О. Указ. соч. С. 115.

** Бартнев. Предисловие к собранию писем царя Алексея Михайловича // Собрание писем царя Алексея Михайловича. С. II–III.

проектов показывает насколько ярче, красочнее писал Алексей. Царь выразил свою мысль следующим образом: «По обещанию и повелению раба Христова царя Алексея от любви своея душевныя и от сердечного желания слит сей колокол»*. Писец обработал царский текст, после чего вышел совсем сухой, формальный отрывок: «По обещанию и повелению раба Христова царя Алексей слит сей колокол»**.

Прекрасным показателем красочности, сочности литературного языка царя, его фантазии в выборе эпитетов для характеристики того или иного лица или события является собственноручная царская грамота в Савво-Сторожевский монастырь от 23 мая 1652 года о бесчинствах тамошнего казначея Никиты. Послание было рассчитано на большой круг лиц, так как его было велено прочесть публично перед богослужением всей братии монастыря. Это и повлияло на стиль послания. Грамота начиналась обращением: «От царя и великого князя Алексея Михайловича всея Русии врагу божию и богоненавистнику и христопродавцу и разорителю Чудотворцева дому и единомышленнику сатанину, врагу проклятому, ненадобному шпыню и злomu пронырливому злодею казначею Никите»***.

В целом, процесс освоения традиционных для России литературных жанров в царствование Алексея Михайловича пересекся с процессом европеизации литературных вкусов двора, и в итоге отошел на второй план, все-таки продолжив свое существование. Но два эти разные направления объединила тенденция, прошедшая через них. То же расширение взглядов царя и придворных на окружающую действительность, что позволило в свое время выйти за рамки канона традиционных жанров, позже позволило оценить и понять необходимость двора иметь библиотеку из книг светского содержания, помогла принятию новых литературных жанров, принесенных из Европы.

Способствовали реформаторским стремлениям царя и его окружение, в частности, два начальника Посольского приказа, Ордин-Нащокин и Матвеев. Нащокин так же, как и царь немало интересовался иностранной литературой, выписывая из-за границы книги на различных языках. В том числе, в 1669 году он получил 82 книги на латинском. Матвеев был одним из организаторов создания в Посольском приказе книг генеалогического и исторического содержания.

* РГАДА. Ф. 27. Ед. хр. 76. Л. 3.

** РГАДА. Ф. 27. Ед. хр. 76. Л. 4.

*** ЗОРСА. Т. II. С. 686–687.

Таким образом, третья четверть XVII века стала временем, когда духовная и светская литература на равных правах развивались при дворе, что позволило России пока еще слабо, но все же втягиваться в общеевропейский литературный процесс <...>.

<...> Таким образом, обмирщение культуры и быта, начавшееся в XVII веке коснулось и царского двора. Здесь появился ряд новшеств светского характера. В первую очередь, следует отметить изменения, произошедшие в придворном образовании, где была введена «латинизированная» европейская система «грамматического учения». Она имела практическую цель: сформировать мировоззрение будущих правителей России с учетом ее возросшего значения среди европейских стран. Изменения затронули и придворные развлечения. Грубые потехи (такие как «зверовые») уступали место более тонким и изысканным, принятым европейскими дворами: придворному театру, увлечению светской литературой и литературным творчеством.

Активное проникновение в быт светских новшеств приводило к сокращению времени регламентированного дворцовым этикетом. К концу правления Алексея Михайловича традиционный церемониал соблюдался, главным образом, при проведении дворцовых торжеств.

Возможность нововведений была обеспечена усилением царской власти, ослаблением роли церкви и утверждением светских элементов в разных областях культуры.

Новшества в духовной сфере быта не могли не влиять на мировоззрение царя и его окружения, на изменение их позиций по отношению к светскому началу в культуре и быту. Осмысление царем и двором необходимости нововведений явилось предпосылкой их будущего претворения в жизнь как системы, в которой усиление связи России с Европой привело к европеизации ряда привычек царя и его окружения, к попытке перенять не только иностранные развлечения, но и достижения мировой науки; знакомство с ними в свою очередь поставило двор перед необходимостью дать наиболее совершенные знания наследникам престола, что привело к закономерной смене системы образования.

Рассмотрение быта ставит вопрос о характере заимствования царским двором европейских новшеств: насколько они получили развитие на национальной российской почве. Так, в театре очень скоро появились пьесы Симеона Полоцкого; «система семи свободных художеств» после предварительной апробации в специальной школе, была дополнена русской историей и историей царствующего дома; литературные жанры, пришедшие в Москву из Западной

Европы, не вытеснили традиционно русские направления, а развивались вместе с ними, тем самым обогащаясь и совместно формируя эстетическо-нравственные представления царя и его окружения.

Быт двора данного периода характеризуется образованием симбиоза национальных традиций и осмысленных иностранных заимствований. Возможность появления такого образования вытекала из отсутствия между двумя его составляющими антагонистических противоречий, которые могли бы привести к гибели одного и торжеству другого направления.

Говоря о новшествах духовной сферы быта царского двора, необходимо установить роль царя и его окружения в этом процессе. Тенденция европеизации особенно усилилась в последние годы жизни Алексея Михайловича и во многом была связана с образованием комплота: царь, начальник Посольского приказа Артемон Матвеев. Трудно переоценить и значение Симеона Полоцкого в изменении мировоззрения царя и его двора. Но было бы неверно приписывать заслугу реформирования придворного быта только сподвижникам царя. Ведь и Ф. М. Ртищев и С. Полоцкий и А. С. Матвеев своим выдвижением были обязаны царю Алексею, выбиравшему своих помощников, сообразуясь с собственными стремлениями, из людей, чьи взгляды были близки его взглядам и убеждениям.

Еще один вопрос, на котором следует остановиться — это способ реформирования отдельных бытовых сторон. Двор Алексея Михайловича избрал путь, когда изменение сути явления происходит при сохранении традиционных оболочек, внешних форм. Это дало свои плоды: двор избежал конфликта с общественным мнением, что после, но уже при более глубоких преобразованиях, не удалось сделать Петру, некоторые из бытовых реформ которого не были приняты российским обществом в силу их чуждости национальным традициям.

